

Евгений
Холмуратов

18+

ТАК
ГЛАСЯТ
ЛЕГЕНДЫ

История Нэннии

Евгений Холмуратов

Так гласят легенды

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Холмуратов Е.

Так гласят легенды / Е. Холмуратов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (История Нэннии)

ISBN 978-5-532-07159-9

«Теперь ты увидишь, что все боги, кроме нас Пятерых, ложные». С этих слов началась вторая эпоха Нэннии. Эпоха героев, что умирают за идеи. Эпоха войн, что не заканчиваются. Эпоха подвигов и предательств. С приходом Пятерых мир изменился. Теперь рядом с людьми соседствуют эльфы и фоморы, старый Бог-Олень забыт, и в каждом уголке Нэннии происходит что-то важное. Степные кланы воюют с людьми, королевства объединяются, появляются новые герои и угрозы. И каждый ребенок должен знать о произошедшем, ведь так гласят легенды...

ISBN 978-5-532-07159-9

© Холмуратов Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Вопрос веры	5
Последняя русалка	10
Смерть войны	12
Всем встать под знамя!	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вопрос веры

Верховный друид Фрей стоял на коленях, опустив взгляд в траву, когда в небе появилась трещина, внутри которой зияла бездонная пустота. Из нее на землю спустились пять фигур. Фрей увидел трех женщин и двух мужчин. Все стройные, крепкие и высокие. Головы их увенчаны белыми волосами, в руках сияют слитки серебра. Они ступили на траву так, словно боялись примять ее.

К Фрею подошла женщина с волосами до талии, первая из Пятерых. Она сорвала цветок и вплела его себе в косу, а из серебра в руках сотворила ожерелье.

– Меня зовут Эл’Ари, и я первая из Пятерых, – сказала она друиду. – Я ищу место, где природа достигает пика силы. Есть ли здесь такое?

Фрей кивнул и указал ей на запад. Там стояло святилище, где всякий мог помолиться Богу-Оленю Талуриану. Эл’Ари коснулась рукой щеки друида и была такова. Следующим к Фрею подошел старший из мужчин. Он низко поклонился и спросил:

– Где я могу найти место, в котором собраны все знания этого мира?

– Вам нужна Иллиатская библиотека, в которую превратили дозорную башню на юге. Но бойтесь варваров, что вам могут встретиться по пути. Они нападают без жалости и готовы убивать даже детей, – ответил Фрей. Та библиотека едва ли не касалась облаков, и трем тысячам строителей пришлось бы работать без устали целый год, чтобы построить башню выше нее.

– Спасибо. Если ты кому-то будешь рассказывать о нашей встрече, то меня зовут Ши’Ен, второй из Пятерых, исследователь и сказитель.

Ши’Ен снова поклонился, а из серебра в руках создал цепь, которой сразу подпоясался. Скоро прямо перед Фреем предстала самая молодая девушка из собравшихся. Друид почувствовал, как страх перед незнакомцами немного отступил, а его сердце наполнилось надеждой. Он поднялся с коленей и улыбнулся девушке.

– Меня же зовут Ри’Ет, и я третья из Пятерых, – сказала она. – Где на этой земле более всего открыты к доброте, надежде и любви?

– Вам придется пройти на восток. Людям там нужна надежда.

Ри’Ет нежно поцеловала Фрею, и тот не заметил, как в ее руках оказался серебряный гребень.

Сразу за Ри’Ет к друиду подошла и последняя девушка. У нее были пышные волосы и прямой нос. От ее взгляда друид сразу сник и вновь упал на колени.

– Мое имя тебе ничего не даст, – сказала она. – Но я хочу знать, какие земли до сих пор не удалось завоевать?

– Идите на север, через земли Артана, и дальше, где говорят на других языках. За равнинами и перевалами вы найдете дикие степи. Их никто не занимает, ведь в почве там глина.

Незнакомка с пышными волосами сжала зубы, а из серебра создала себе длинное копье.

Наконец, на поляне остался только Фрей и последний из сошедших с небес, пятый из Пятерых. Стоило отвести взгляд от его белоснежных волос, как сразу казалось, что они становились черными. Его глаза, такие теплые и понимающие, горели проклятым огнем. Улыбка, способная очаровать каждого, вызывала не только спокойствие, но и тревогу.

– А чего ищите вы? – спросил Фрей.

– Я ищу человека, – ответил незнакомец чарующим голосом. – Я хочу найти человека, который поверит.

– Поверит во что?

– В нас. Меня зовут Мал’Ра, и я бог теней. Кто здесь имеет право общаться с богами?

– Я – верховный друид Фрей. Если боги и явятся кому-то в этом мире, так это мне.

– Очень хорошо. – Мал’Ра обошел вокруг Фрея. – Ты веришь в другого бога. В иного. Кажется, я с ним незнаком. Ну и пусть. – Бог теней сделал два шага назад. – Теперь ты увидишь, что все боги, кроме нас Пятерых, ложные.

Мал’Ра поднял руки к небу, и то затянуло теньями. Не просто тучами, что собой закрывают солнце, а непроглядной чернотой. словно день внезапно стал ночью, но звезды и луна забыли появиться. Бог теней смеялся. Он водил руками так, будто бы небо было полотном, а тьма – его краской.

Фрей поежился. Он схватил серп, что висел у него на поясе, но тут же выкинул его.

– Я служил Талуриану двадцать лет. Я верю в него и не отступлюсь от своей веры только потому, что с неба явились пятеро белоголовых!

– Значит, моя мощь тебя не убедила? – спросил Мал’Ра и улыбнулся. – А что за эти двадцать лет сделал твой бог, друид? Чем он наградил тебя за годы службы? Дал тебе женщин? Дал золота? Может, дал сил, чтобы нести его слово каждому, кто готов слушать? Где же твой бог, если он существует? Ведь я показываю тебе истинную силу и оспариваю его право повелевать этими землями. Люди, которых ты видел тут, – мои названные сестры и брат. Ши’Ен – бог историй и легенд; Ри’Ет – богиня надежды и веры; Эл’Ари – богиня природы; Нид’Фаэль – богиня войны. И я. Вместе мы персты на ладони жизни. Только вместе мы правим и когда-нибудь вместе уйдем, если мир умрет.

– Я не муха, чтобы ты, словно паук, окутывал меня паутиной! Есть только один бог, и имя ему Талуриан!

– Твоя вера сильна. И все же я дам тебе стимул. – Мал’Ра коснулся указательным пальцем лба друида. На коже Фрея выступило темное пятно, словно бы синяк, и тут же исчезло, впитавшись в его голову. – Теперь ты увидишь, верховный друид. Теперь ты поймешь.

– Я понимаю, – ответил Фрей, словно бы замороженный. – Я вижу, о Мал’Ра, бог теней, младший из пяти. Ты дал мне знания, которых нельзя найти в книгах или молитвах. Теперь я буду нести эти знания, буду говорить каждому, кто захочет слушать.

– И каждому, кто не захочет, воздастся тысячекратно! Жги упоминания Талуриана, ломай его идола, ищи сторонников. – Мал’Ра сжал в руках серебро и создал из него посох. – Если кто-либо усомнится в моей силе, ударь этих посохом по земле. Тогда тьма станет твоим оружием, как и моим. Иди же, верховный друид Фрей. Неси мое слово: Пятеро спустились и теперь живут среди смертных. Поклоняйтесь нам, любите нас, и награда будет щедрой.

* * *

Эл’Ари нашла Святилище Талуриана. Вокруг него самые искусные строители воздвигли каменную стену, по которой медленно поднимался мох. Богиня природы поцеловала цветы, выросшие прямо у порога Святилища, опустилась на колени и стала рыть землю. Она лепила из нее небольшие скульптуры, отдаленно напоминавшие людей, а когда их стало больше сотни, прокусила палец и на каждого из них капнула кровью.

– Вы дети этой земли. Вы кровь моей крови. Вы дети богини природы, и богиня вас не оставит. Вы эльфы. Восстаньте же. Возродите расу своей богини как свою собственную. Станьте лучом надежды для Пятерых, что потеряли свой дом и свои семьи.

Фигуры, заботливо вылепленные Эл’Ари, стали расти. Вот уже на их телах появилась кожа, вот на голове проступили волосы. Вскоре перед богиней природы стояли сто тринадцать эльфов, и головы их венчали белые волосы.

– Вы прекрасны, – сказала богиня. – Прекрасны, сильны. Совершенные создания. Но вы не родня мне, я это вижу. В вас сидит смерть, и хоть ей придется постараться, в конце концов, она заберет вас всех.

Эл'Ари взмахнула рукой, и в ней оказался свежий мягкий персик. Она дала его первому среди эльфов. Он принял фрукт из рук богини и медленно откусил.

– Отныне вы свободный народ. Пользуйтесь моим покровительством, знайте мое имя. Я, – богиня указала на себя, – Эл'Ари.

* * *

В тот же момент, когда Эл'Ари создавала эльфов, ее названная сестра, четвертая из Пятерых, богиня войны Нид'Фаэль тоже пыталась воссоздать свой народ. Она собрала глину в корзины, что сплела по пути в степи, рядом с ней положила листву, ветви, камни, а также кровь различных животных, на которых она успела поохотиться. Ее руки не были такими ловкими и тонкими, как у Эл'Ари, поэтому скульптуры она лепила неаккуратными. Одни были ниже других, а кто-то и вовсе напоминал животное.

Нид'Фаэль работала четыре ночи и три дня, прежде чем на пустой поляне собрались тысяча и две сотни ее скульптур. Каждая из них была смешана с дарами земли или кровью животного. Наконец, богиня войны встала и подняла руки к небу.

– Восстаньте, ибо того требует ваша мать и покровительница! Восстаньте, ибо на вас лежит ответственность! Восстаньте, будьте же частью моего народа! Возродите наш мир, уничтоженный заразой! Вы – фоморы, Дети Нид'Фаэль!

И скульптуры ожили. Но они мало походили на людей. Впоследствии их назовут гномами, кентаврами, русалками, единорогами и прочими именами, а люди станут считать их своими врагами, но сейчас они лишь, как младенцы, непонимающе смотрели на свою мать.

– Нет. – Нид'Фаэль покачала головой. – Вы не из моего народа. Нет в вас нашей силы, благородства и долголетия. И все же я ваша мать и покровительница. А значит, я должна позаботиться о вашей доброй жизни. На такой земле счастья не построишь. – Богиня повернулась на юг. – Надеюсь, у Эл'Ари получилось, ибо я собираю армию. И никто не уйдет от нее.

* * *

Уже через год ядовитые слова верховного друида Фрея разнеслись по всему континенту. Возле себя он собрал верных людей и основал Церковь Длани. Они поклонялись Пятерым, как истинным богам, но те видели в людях лишь мертвецов, отчаянно ищущих пути спасения под крылом могущества. Эл'Ари увела эльфов далеко на север, под горные хребты, где их не могла достать война. Где ее дети смогли бы жить в мире и покое. Нид'Фаэль же, наоборот, стремилась организовать армию. Таковую, чтобы смести любого с лица земли. И она была близка.

И все же старшие среди Пятерых были недовольны самоуправством младшего. Мал'Ра соблазнил Фрея тайным знанием, которым нельзя делиться. Пятеро пришли в этот мир не ради власти, поклонения или завоеваний. Они просто убежали из дома, который поглотила болезнь. Пятеро не в праве требовать большего, чем возможности испечь хлеб и места, где этот хлеб вкусить.

Люди, исконные жители этого места, уже называли появление Пятерых на их земле не иначе как началом новой эпохи. Пока они судачили, убивали фоморов и укрепляли границы, Ши'Ен все записывал. Он всегда носил с собой чернила и крепкие листы, как и в тот день, когда Мал'Ра пришлось поплатиться за свою дерзость.

* * *

Пятеро собрались недалеко от Святилища Талуриана, которое теперь именовалось не иначе как Святилище Эл'Ари. Мал'Ра пришел последним, словно бы не он был причиной встречи. Как только младший из них появился на пороге Святилища, Нид'Фаэль кинула в него свое копьё, специально промахнувшись. Серебряная вспышка пролетела мимо головы бога теней и застряла в стене.

– Ты не имел права! – крикнула она.

– Мы пришли сюда, убежав от смерти, – сказала Эл'Ари. – Мы – лишь гости, а ты вознес нас до самых высот.

– И что же в этом плохого? – спросил Мал'Ра. – Я лишь показал им, кто мы. Дома мы с вами были обычными, но здесь наша сила кажется людям божественной. Так воспользуемся же этим! Эл'Ари, Нид'Фаэль, мои любимые сестры, разве не вы создаете целые народы в попытках воссоздать наш? Ри'Ет, моя дорогая Ри'Ет! Не ты ли живешь среди смертных так, будто бы родилась в их городе? Ши'Ен, единственный брат, и мудрейший среди нас! Не ты ли записываешь историю людей, будто нашу собственную? Они нарекли нас богами, так быть посему! Пусть люди помогут нам вернуть наш народ к жизни, пусть их земля станет нашим новым домом!

– Ты лжец, Мал'Ра! – снова крикнула Нид'Фаэль. – И у нас дома ты был самым малодушным, но здесь тебя одолела гордость! Пусть люди думаю все, что им угодно, мне плевать на них.

– Ведь твои дети видят в тебе богиню! – спорил бог теней. – Что же я делаю такого, чего не делаете вы?

– Люди, что жили здесь, принадлежат другому богу, – ответил Ши'Ен. – И когда-нибудь нам всем воздастся за твое неблагоразумие. Но сейчас спорить нет смысла. Нам не исправить того, что сотворил Мал'Ра.

– И что же, мы все спустим ему с рук? – спросила Нид'Фаэль. – Я требую наказания! Требую, ибо он решал за нас всех! Больше я не назову тебя братом, бог теней.

– Какого же наказания ты требуешь, сестра? Смерти? – спросил Мал'Ра. – Даже у вас не хватит могущества убить меня. Но что же ты, моя сестра Ри'Ет, молчишь? Неужели жизнь среди людей сделала тебя кроткой?

– Нет, мой дорогой брат. – Ри'Ет подошла к богу теней и погладила его по щеке. – Я меньше всего желаю тебе смерти. Как не желаю тебе и любого наказания, но ты пересек черту, за которую никому нельзя заходить.

– Мы не станем убивать его, – сказала Эл'Ари. – Но впредь, чтобы тебя не слушались люди, мы превратим тебя в злую шутку над всем прекрасным. Никто больше тебе не поверит. Каждый, кто увидит тебя, признает в тебе врага своего и попытается убить. Это мое слово, и на правах старшей я говорю его.

Все, кроме Мал'Ра, подняли руки. В свои мысли они заточили всю злобу и обиду, весь тот гнев и отчаяние, на которые были способны. Их названный брат закричал. Его прекрасные мягкие глаза превратились в восемь маленьких красных точек; из боков вырвались четыре короткие руки и покрылись черным мехом. Кожа стала бледной, и даже волосы, оставшиеся ослепительно белыми, казались темнее. Теперь, изуродованный, он стал походить на огромного паука, злобно взирающего на весь мир.

– Иди, Мал'Ра, куда тебе вздумается, – сказала Эл'Ари.

– Я уйду, – ответил бог теней, и стало заметно, что даже его голос изменился. Он стал ниже, гуще и темнее. – Найду самую глубокую пещеру и поселюсь там, раз вы наградили меня таким обликом. Но помните! Я всегда буду где-то рядом, прятаться в тенях.

Мал'Ра сделал шаг назад и упал в тень, словно бы провалился под землю. А четыре новых бога остались в Святилище, раздумывая над тем, на что еще способен младший среди Пятерых и не совершили ли они ошибку, оставив ему жизнь.

Последняя русалка

Эта история известна среди фоморов как повесть о Лорэль, последней из русалок. Гномы-барды слагают о ней бесчисленные песни, дриады вспоминают ее в молитвах, склонившись перед деревьями, кентавры утверждают, что дух этой девы стал самой яркой звездой на небе. Но в этой истории важнее всего не сама русалка, а человек, что однажды пришел на побережье.

Эдот, самый известный мореход своего времени, знал, что русалок почти не осталось, но даже он не подозревал, что красавица, подплывшая к нему, была последней из них. Лорэль вынырнула из моря, озадаченно рассматривая мужчину на берегу. Тот сидел, опустив ноги в воду, и играл на лютне. Он пел. Пел нечто настолько прекрасное, что Лорэль даже позабыла о безопасности и рискнула подплыть поближе, чтобы расслышать слова. Эдот пел о девушке, что убежала из родного дома вслед за любимым.

– Я не знаю этой песни, – сказала Лорэль. Из воды она показала только свою голову, вмиг преобразившуюся. В море русалка напоминала рыбу, даже ее волосы таяли и превращались в плавники, но тут, на воздухе, она выглядела как обычная девушка.

– Ее не поют в этих краях, – ответил Эдот. – На севере не знают слов любви, но сам я с юга. Признаться, – моряк засмеялся, – ты первая русалка, что я встретил, хотя не схожу с корабля с самого детства. Ты не боишься меня?

– Нет. И да.

– Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

– Один из моряков тоже так говорил, – сказала Лорэль и отплыла подальше. – Он убеждал, что пришел с миром, но теперь мой муж мертв, а я, осталась одна, точно полная луна. – Русалка коснулась своего живота. – Почти одна.

– Я не могу отвечать за всех людей, ведь мы...

Лорэль нырнула в воду и забрызгала моряка. Эдот вытер лицо рукавом рубахи, встал и побрел дальше от берега, перекинув ремень лютни через плечо.

Следующим утром, самым пасмурным за последний месяц, Лорэль снова услышала песню Эдота. В этот раз моряк играл громче и пел ярче. Такого искусства не встретишь в сырых тавернах, да и на сцене редко кто обладал голосом настолько могучим, чтобы сравниться с Эдотом. Он снова пел о той девушке, но теперь куплеты были другие. Ее любимого забрали на войну, ведь он знал моря лучше всех. И теперь она осталась одна, без семьи, которую покинула, и без любви.

Лорэль с интересом наблюдала за моряком. Она во второй раз подплыла к нему, но теперь поднялась над морем по пояс. Эдот увидел прекрасные рыжие волосы русалки, ее упругую грудь и едва округлившийся живот. Моряк сразу же прекратил петь и достал из сумки яблоко.

– Ты пробовала пищу с суши? – спросил он.

– Когда-то давно один гном приносил мне землянику. Я не знаю, что с ним стало, но, боюсь, он уже давно умер.

– Попробуй яблоко. Оно твердое и сладкое.

Эдот кинул фрукт в море, а Лорэль ловко схватила его. Русалка осторожно откусила яблоко.

– Оно вкусное, – сказала Лорэль.

– Ты все еще боишься меня?

– Я не боюсь людей. Я их избегаю. Всякий раз, когда мой род видит человека, эта встреча заканчивается смертью.

– Мне жаль это слышать. Но хоть скажи свое имя. Ведь не умрешь же ты, представившись!

– Лорэль. Меня зовут Лорэль.

– Меня же зовут Эдот. Признаюсь, я рад нашим встречам. На суше нет таких прекрасных женщин, как ты.

– Неужто ты пытаешься меня обольстить, Эдот-певец?

– Разумеется. – Моряк засмеялся. – Разумеется, прекрасная Лорэль. Отныне я буду приходить сюда каждый день и петь, пока ты не станешь моей! До завтра же, Лорэль-русалка! До завтра, прекраснейшая из всех.

Эдот закинул лютню за спину, помахал рукой на прощание и ушел по тропе в лес. Русалка рассматривала надкусанное красное яблоко и улыбалась. Ей льстило, что такой видный мужчина заинтересовался ею, и все же...

Следующим днем поднялась настоящая буря, но Эдот, сдержав обещание, вновь пришел на берег. Он едва тронул струны, как музыку услышала Лорэль. Ведь она ждала гостя, не сомкнув ночью глаз. Эдот продолжил историю девушки в своей песне. Теперь в куплетах говорилось о том, как, осмелев, она пошла за своим любимым на войну, но по пути ее схватили гномы. Над ней измывались, но любовь дала ей силы пережить унижения, чтобы в последний раз увидеть своего дорогого солдата и умереть на его руках.

Лорэль покинула море и полностью преобразилась. На берегу перед Эдотом стояла прекрасная девушка с точеной фигурой и пышными рыжими волосами, но моряк даже не смотрел на нее.

– Почему эта песня такая грустная? – спросила Лорэль. – Людям нравится сочинять песни с плохим концом?

– Люди сочиняют песни не просто так, прекрасная Лорэль. Как побороть грусть, если не прекрасной музыкой? Она помогает. Далеко уносит тяжелые думы. Словно бы то, о чем мы поем, происходило не с нами. Словно бы все тревоги, что мы пережили, случились с кем-то другим.

– Тебя что-то тревожит, раз ты поешь такие грустные песни?

– Вовсе нет. Что меня может тревожить, когда я вижу прекрасную русалку? О нет, Лорэль, твоя красота принесла мир в мое сердце, и за это я тебе благодарен. – Эдот вновь достал из своей сумки яблоко. – Оно такое же сладкое, как и то, что я дал тебе вчера. Надеюсь, тебе понравилось.

Лорэль улыбнулась и отвела глаза. Она медленно подошла к моряку, протянула руку к яблоку, но тут Эдот схватил ее и повалил на землю. Как бы русалка не отбивалась, она не могла тягаться в силе с опытным воином и моряком. Лорэль извивалась, кричала, кусалась, но все безуспешно. Эдот поднял с земли камень, что лежал у его ног, и одним быстрым ударом выбил жизнь из последней русалки.

Моряк поднялся, тяжело дыша. Перед ним лежал самый прекрасный труп, что он видел. Наконец, Эдот встал на колени перед Лорэль и срезал ее рыжие локоны, связал их между собой и аккуратно сложил в сумку, откуда ранее достал яблоко. Теперь его ждали слава, солидная награда и благосклонность короля.

Смерть войны

Нид'Фаэль взирала на битву сверху, с холма. Ее пышные белые волосы сверкали в лучах рассветного солнца, а пыльное лицо украшала улыбка. Богиня войны уже знала, что битва выиграна, и ей даже не пришлось пускать в дело свое великолепное серебряное копье, которое разит без промаха. Гномы и сатиры сами расправились с людьми, а значит, перевал Хортан теперь принадлежит фоморам.

Войско Артана не выдержало натиск врага. Старики, коих в пехоте оказалось немало, бросали оружие и сдавались. Юноши, еще недавно бегавшие за соседскими девчонками, пытались отступить в тыл, но погибали, затоптанные своими же. Лишь закаленные сражениями войны, повидавшие не одну битву, стояли на смерть, но и они были обречены. Никакое войско не способно уничтожить противника, если на стороне того сама богиня войны.

Нид'Фаэль повела коня вниз, спешила. Гномы уже кричали гимн и поднимали сжатые кулаки, а сатиры обыскивали трупы. Тех из людей, кто еще шевелился, они без колебаний добивали изогнутыми клинками.

– Мать и покровительница! – крикнул один из гномов. Рыжий Ргоил. Он ударил себя по груди кулаком, и поклонился, широко расставив ноги и отведя топор за спину. – Мы выиграли эту битву. Снова.

– Вы нанесли им тяжелую рану, но зверь не добит.

– Поэтому я решил, что моим воинам стоит идти прямо на столицу! Отрубим зверю голову, и его земли станут нашими. Гномы, сатиры, дриады и кентавры смогут возделывать поля, сеять рожь и пшеницу. Если только Артан и его король падут...

– Если мы займем Артан, то окажемся аккурат между Мерионом и Кадором. Это нам ни к чему. Незачем спешить, мы выигрываем.

– Но наших людей погибает все больше и больше, мать и покровительница. Совсем скоро некому будет воевать.

– Мы заключим мир с людьми юга. Мерион откроет нам торговый путь, ибо мы и так его забрали. Кадор отдаст часть своих северных, плодоносных земель, ибо их король у нас в темнице. Артан сохранит нейтралитет, ибо его армия изношена и не способна вести ожесточенные бои, которые мы навязываем. Их короля Виглафа не даром называют Мудрым.

– Значит, мир? Они убивали наших братьев, словно диких зверей! Уничтожили всех единорогов, фей, русалок и минотавров! Наш народ довольно натерпелся от людей, и теперь фоморы должны ответить тем же. Сжечь их дома, как они жгли деревья! Убивать их, как они убивали твоих детей ради магии, что течет в их жилах. Мать и покровительница! Внемли же моим словам, ведь они не оставят нас в покое, покуда последний гном не превратится в белый, обветренный и всеми позабытый скелет!

– Не зазнавайся, юный Ргоил! Ты король, но я ваша богиня и создательница. И мне, как матери, лучше знать, что нужно моим детям. Но если ты готов идти против воли своей покровительницы, то, может, сам поведешь в бой своих людей? Посмотрим, как долго выстоят фоморы против камня, которым люди выстроили свои дома. Посмотрим, как ваши мечи налетят на них, словно коса. Посмотрим, как Артан сметет с земли даже воспоминания о вас! – Нид'Фаэль выдохнула. – Мир заключается с врагами, юный Ргоил. Но и мир не вечен. У тебя еще будет шанс отомстить людям за все то зло, что они причинили нашему... твоему народу.

– Я отправлю письма королям людей, – сказал Ргоил после недолгой паузы. – Если у тех есть хоть немного ума, они не станут противиться переговорам. Но если хоть кто-то откажет, мы продолжим свой поход и усеем их земли пеплом и кровью.

Ргоил подозвал к себе трех гномов. Каждый из них получил задание, и каждый выполнил его. К Артану, Мериону и Кадору поскакали гонцы с просьбой о переговорах. Уже через

месяц под тем самым перевалом Хортан собрались четыре правителя. Король фоморов Ргоил, король Артана Виглаф Мудрый, король Мериона Годфри и наследник короля Кадора Осберт. И каждый из них привел армию.

Встретились короли под шатром, закрывающим их от яркого весеннего солнца. Первым среди людей стоял Виглаф Мудрый, и он единственный не принес с собой никакого оружия. Даже доспехи не закрывали его грудь. Король Артана был одет лишь в легкую красную рубаху, словно и не видел в фоморах противника, но лишь младшего брата, с которым они поссорились несколько лун назад. И он же единственный пожал руку королю Ргоилу, чем смутил юного гнома.

– Надеюсь, – сказал Виглаф Мудрый, – что наша встреча не простая формальность. Нэннии уже хватило войн, что мы ведем за золото и земли. Я думаю, настала пора мира.

– Оно и видно! – ответил Ргоил. – Мир. Но не вы ли привели с собой тысячную армию, короли людей?

– Верно, – сказал Осберт. – Но не за твоей ли спиной, гном, я вижу такую же армию? Не твои ли кентавры держат копья так, будто вот-вот ринутся в бой? И не у вас ли в подземельях сидит мой дорогой отец, без которого Кадор стал мокрой больной кошкой под проливным дождем?

– Хватит ссор, – рыкнул Годфри. – Иначе мы ни к чему не придем. Король Ргоил, ты призвал нас для переговоров, и вот мы здесь. Чего же ты хочешь от нас?

– Мира лучшего, что знала Нэнния. Вы убивали наших братьев, но фоморы готовы простить вам грехи прошлого, если это поможет явиться светлому будущему. – Ргоил понизил голос, и теперь говорил глухим басом. – Вы ведь видите, что мы побеждаем. Каждая битва выиграна нами.

– Мой отец всегда говорил, что можно проиграть все битвы, но выиграть войну, – сказал Осберт. – Да, наши люди убивали единорогов, русалок и прочих существ. Но вы заняли наши земли. Вы со своей богиней пришли неизвестно откуда и объявили степи собственностью фоморов! Степи, что наши предки кровью завоевывали! Скажи мне, король Ргоил, честно ли поступила богиня войны, когда отобрала наши дома для своих детей?

– Довольно, – сказал Виглаф Мудрый. – Годфри прав, ссорами мы ничего не добьемся. Мы здесь решаем вопрос, но не вопрос чести, гордости или зависти. В этом мире живут наши дети, а после них придут дети наших детей. И в наших силах лишь оставить им лучший мир. Однако, – Виглаф повернулся к Ргоилу, – в твоих словах я чувствую требования. Ты просишь мира, однако твои глаза горят корыстью. Что ты хочешь в обмен на спокойствие?

– Воистину, люди оказались правы, назвав тебя Мудрым, король Артана. Я освобожу короля Кадора, но взамен заберу часть его северных земель. Тогда мой народ сможет сеять весной, а осенью собирать урожай. Голод и злоба, что направляют руку фоморов против людей, покинут наши земли, и наступит мир.

– Мой отец никогда не допустил бы такого! Его освобождение не может стоять плодородных земель подданных Кадора, и он первым бы заявил это!

– Дай мне закончить, молодой принц. Я также требую от Мериона открыть доступ к торговому пути, что проходит через равнину Борог. Мы силой забрали его у вас, но готовы вернуть, если в фоморах там будут видеть честных торговцев, а не врага с мечом.

– Справедливо. – Годфри кивнул. – Но они будут платить налоги, как и добрые люди Мериона. Я не вижу повода делать вам поблажки.

– От тебя же, Виглаф Мудрый, мне не требуется ничего, кроме твоего нейтралитета. Я прошу прекратить войну, убрать отряды партизан из лесов на севере ваших земель и более не поднимать оружия против моих людей.

– Кажется, ради этого мы все здесь и собрались, – сказал Виглаф. – Но мы с тобой оба не дураки, Ргоил. Союз, заключенный на словах, так быстро забывается, а бумаги можно сжечь,

как и все мосты между нами. Поэтому вот тебе мое предложение, Ргоил. Я молод, и у меня нет жены. За меня выйдет одна из дриад, и тогда наши народы породнятся. В моих жилах течет кровь королей Артана и древних правителей Мериона и Кадора. Нельзя представить лучшей партии для замужества. Эта свадьба положит конец всем нашим распрям. Если на таких условиях ты готов заключить мир, то люди Артана поддержат его. Король Годфри?

– Я свое слово уже сказал. Мир меня устраивает куда больше, чем война. Теперь решение осталось за принцем Осбертом.

– Даже ценой жизни своего отца, я не готов делиться землями с захватчиками, – сказал Осберт. – Если король Ргоил хочет воспользоваться моим отцом лишь как разменной монетой, но не освободить его в знак доброй воли, то миру не бывать.

– Принц Осберт, но подумай, – сказал Виглаф, – сколько жизней мы сохраним, прекратив войну. Разве не ради этого мы проделали такой путь и собрались здесь?

– Нет, мой добрый друг Виглаф. Ты получаешь жену, а я теряю землю и уважение людей? Воины Кадора не поймут моей слабости, а крестьяне даже по приказу не отдадут свои земли, которые они вот уже несколько веков облагораживают.

– Ргоил. – Виглаф снова посмотрел на гнома. – Есть ли возможность оставить земли Кадору? Посмотри, сколько твои люди уже успели достичь. Мир между нами уже на горизонте, даже ближе. Только руку протяни!

– Нет. – Ргоил помотал головой. – Что ж. Я вижу, король еще многому не научил молодого принца. Ведь он, – гном махнул в сторону своих людей, и тогда короли людей увидели, что правителя Кадора держат в первых рядах, закованного в цепи, – сам уже был согласен на эти условия.

– Так освободи его, Ргоил! – крикнул Виглаф. – Не дай войне снова вспыхнуть, словно заразе.

– Нет уж, Виглаф Мудрый. Войне быть!

– Тогда ты станешь ее жертвой! – крикнул Осберт и воткнул меч прямо в горло Ргоилу. Тот лишь успел схватить лезвие руками и тут же упал замертво.

Нид'Фаэль, скрытая в тених, видела это. Она видела, как армия фоморов ринулась вперед. Видела, как три армии людей, словно одна, пошли в бой. Видела, как принц Осберт отбил своего отца у сатиров и увел в безопасное место. Видела, но стояла на месте, пока не почувствовала, что ее люди проигрывают. Тогда богиня войны подняла свое копье, которое сверкнуло в лучах солнца, и побежала на помощь.

Ее сбили с ног. Могучий удар, словно таран о ворота. Богиня войны поднялась на ноги и увидела перед собой высокого мужчину в шкурах. Его могучие руки блестели от пота, из носа и рта шел пар, а голову венчали ветвистые рога. Лицо Бога-Оленя было скрыто тенью, но Нид'Фаэль узнала его.

– Талуриан, – сказала она, то ли приветствуя, то ли спрашивая. – Охота, что никогда не кончается. Меня предупреждали о тебе.

Бог-Олень пригнулся и помчал прямо на Нид'Фаэль. Богиня войны увернулась от рогов и сама задела его ногу копьем. Кожа Талуриана порвалась, и из раны полилась кровь. Бог-Олень наклонился, словно не веря своим глазам. Там, куда падали капли его крови, выростала крепкая, свежая трава.

– Нам нет нужды сражаться, Талуриан, – сказала Нид'Фаэль. – Я не оспаривала твоих прав, я не веду против тебя войны.

Но Бог-Олень ее не послушал. Он снова разбежался, но теперь достиг цели. Его рога пробили руку Нид'Фаэль, и резким движением головы Талуриан оторвал ее. Богиня Войны закричала, и от ее крика битва между фоморами и людьми на миг прекратилась.

Но лишь на миг. Воины Артана, Мериона и Кадора опомнились первыми и продолжили сражение с новой силой, оттесняя фоморов все дальше на север. Как и битва между четырьмя армиями не закончилась, так и дуэль двух богов еще не подошла к концу.

Нид'Фаэль тяжело дышала. Она уже знала, что ее война проиграна. Что Талуриану достаточно лишь одного выпада, чтобы убить ее. Все, что ей оставалось, так это продать свою жизнь подороже.

Бог-Олень разбежался в третий раз. Теперь Нид'Фаэль даже не думала уйти от удара. Она приняла его прямо в грудь. Рога разбили ей ребра, проткнули легкие и вышли прямо из спины, но богиня войны на последнем вздохе воткнула свое серебряное копьё в грудь Талуриану. Он скинул со своих рогов бездыханное тело матери фоморов и сам упал на колени, пытаясь остановить кровь. Бог-Олень поднял голову к небу. Из его рта вырвался утробный, глубокий и грубый рык. Его голос походил на гром и гул падающих камней.

Небо затянулось тучами. И во второй раз битва между людьми и фоморами остановилась. Поднялся ветер. По металлическим доспехам забарабанил дождь, а следом за ним и град. Из туч на черных конях появились двадцать всадников, и каждый держал в руке копьё. Между ними бежало двадцать черных собак, и лай их был подобен грому. Талуриан призвал своих слуг, некогда умерших во сне. И теперь они скакали к нему, скакали, чтобы спасти жизнь Богу-Оленю.

Фоморы, увидев Дикую охоту, повернули на север и побежали в свои земли, закрываясь щитами от крупного града. Люди, впервые выигравшие битву, не стали догонять своих врагов. Их кони были встревожены, а воины подавлены. Виглаф Мудрый взял на себя командование тремя армиями и поспешил увести их на юг.

Дикая охота остановилась возле Талуриана. Лидер всадников Замиэль поднял Бога-Оленя и усадил его на своего коня, а себе забрал копьё Нид'Фаэль как трофей. Собаки вновь залаяли, и Дикая охота вновь поднялась в небеса. Они уводили с собой раненого Бога, чтобы тот вылез на своем Туманном Острове, а затем вновь вернулся в Нэннию.

И тогда люди, давно забывшие Талуриана, вновь вспомнят, кто есть ветер, гуляющий в кронах деревьев. Кто есть дождь, орошающий плодородные земли. Кто есть охота, что никогда не кончается. И кто есть первобытный страх, который живет в сердце каждого.

Всем встать под знамя!

Сын мясника и пастушки бежал по пыльной дороге так быстро, словно бы старался обогнать ветер. Его движения, четкие и резкие, выдавали в мальчишке крепкого и ловкого юнца, способного в свое время взять меч. Любой, кто видел его, чувствовал, что смотрит на будущего рыцаря, ведь в нем были стать и красота. Светленькие волосы сверкали на солнце, как новенькая монета, а прямая спина еще не согнулась под ящиками мяса и ведрами, полными воды.

Поворачивая возле невысокого дома кузнеца, который не разжигал огонь со вчерашнего дня, мальчик едва не упал и остановился, но вскоре снова набрал прыти. Так бывает, когда бежишь от чего-то и одновременно стремишься нагнать что-то другое. Вот и мальчик бежал от наглых сверстников, освистывающих беднягу, и старался найти свою мать, которая чуть раньше отправилась на площадь.

– Гильем! – услышал мальчик. – Гильем!

Среди толпы, собравшейся на улице, появилась невысокая женщина с самыми светлыми волосами на свете. Сын, хоть и был совсем юным, уже доходил ей до плеча. Сегодня Агнета надела лучшую одежду, но и та выдавала в ней простолюдинку: невесть какой плащ, даже неокрашенный, да красное выцветшее платье. Шили одежду явно на кого-то повыше и крупнее.

– Где ты был, а? – спросила Агнета. – Где ты был?

– Отец попросил помочь с кабаном, его уже жарят в яме. Прости меня, матушка, я не хотел опаздывать.

– Скорее, король вот-вот придет, а с ним и правители Мериона и Кадора. Я заняла нам места поближе, чтобы ты смог рассмотреть всех рыцарей. Как знать, вдруг один из них возьмет тебя под свое крыло. Станешь оруженосцем, ты ведь у меня мальчик крепкий.

– Я не хочу быть оруженосцем, матушка.

– На нитках и иголках много не заработать. А теперь идем, нечего нам тут стоять, а то еще места займут.

Агнета повела сына на площадь. Пыльные улочки сменились мощеной дорогой, и та становилась тем лучше, чем ближе они подходили к центру города. Казалось, все горожане собрались здесь, кроме тех, кто готовил еду к пиру. Среди последних был и отец Гильема.

Наконец, стихли все разговоры. Шепот сошел на нет, люди затаили дыхание. Прозвучал рог, и в ворота въехали всадники – один краше другого. Все они подняли правую руку, приветствуя горожан. Первым шел сам король Виглаф, которого уже прозвали Мудрым. На его щите и знаменах красовался крылатый змей. Эти же знамена висели по всему городу.

За королем Артана шли еще двое: высокий бородатый мужчина с морской волной на знамени и худощавый старик с мордой лисы на щите. Короли Мериона и Кадора. Они тоже приветствовали горожан и охотно ловили цветы, брошенные им толпой.

Завершали процессию приближенные королей. В большинстве своем – рыцари. Статные, красивые мужи, закаленные в битвах и добывшие себе славу на турнирах. Девушки вздыхали, когда мимо них шли благородные воины, и перешептывались, словно заговорщики.

Король Виглаф остановил лошадь возле памятника своего предшественника и тезки, Виглафа первого, Великого. Он спешил, а вместе с ним короли Мериона и Кадора и все рыцари. Жестом Виглаф Мудрый призвал народ к тишине и выдержал эффектную паузу.

Он был ниже других королей, но все же казался куда величественнее. И дело не в ширине плеч, ведь король Мериона, добрый Годфрид, был куда крупнее остальных владык. Виглаф Мудрый словно бы притягивал к себе весь солнечный свет, а с ним и взгляды простого люда.

– Я рад сегодня принимать в своем доме моих дорогих гостей, – наконец сказал Виглаф. Он говорил четко, громко. Так, чтобы его слышали все. – Рад, что первый день лета ознаме-

нуется таким событием. – И снова пауза. Ни один человек, даже самый маленький ребенок, не нарушил тишину. – Я, король Виглаф второй, потомок Виглафа Великого, объявляю, что сегодня королевства Артан, Мерион и Кадор объединяются для борьбы с общим врагом. Нам надоело, что мерзкие гномы убивают наших людей, грабят деревни и сжигают дома. Отныне мы вместе будем грудью встречать каждую напасть. Отныне на земле Неннии существует лишь одно королевство людей – Аннун!

Хотя среди толпы были те, кто недоуменно шептал, а то и осуждал решение короля, большинство разразилось радостными возгласами. Ведь людям надоело жить под вечной угрозой с севера, и сейчас им стоило объединиться. И кто же справится с этой задачей лучше, чем сам Виглаф Мудрый?

Король улыбнулся и поднял руку.

– Мой замок не такой большой, – посмеялся он, – и, к сожалению, не сможет вместить всех вас, добрые граждане Аннуна. Но в эту минуту я наказываю всякому трактирщику, всякому пивовару и виноделу следующее: первая порция выпивки каждому посетителю за счет королевской казны! Поднимайте же стаканы, пейте за доброе будущее новой страны!

Народ заулыбался. Нетрудно представить, как вечером праздные мужи будут ходить от заведения к заведению, осушая бесчисленные «первые» порции.

Агнета рукоплескала вместе с остальными. Даже юный Гильям хлопал и присвистывал. Но вот короли и рыцари покинули площадь, люди, переговариваясь, разбрелись по городу, и тот зажил обычной жизнью, будто бы сегодня вовсе и не было праздника.

– Ступай к отцу, – сказала Агнета сыну. – Ты понадобишься на пиру, будешь подавать вино и хлеб рыцарям и их дамам, если они не привезли с собой служанок. Ступай же скорее.

– А как же ты?

– Овцы сами себя не выгуляют. – Агнета засмеялась. – Я буду до темноты за стенами города, так что сегодня ты должен вести себя как взрослый, ведь ни я, ни папа не станем следить за тобой. Если будет на то воля случая, я смогу пробраться на кухню и встречу тебя там. В замке работает моя старая подруга, Рокильда, она обещала мне помочь увидеть пир хотя бы одним глазком.

Мальчик кивнул, поцеловал мать в щеку и побежал домой. Снова наперегонки с ветром.

Приготовления к пиру завершились уже к сумеркам. Замок Аврелианов не был украшен так богато уже давно. В широком, даже слишком широком зале стояли длинные столы, привезенные с земель Мериона, ведь там росли самые крепкие деревья. Каждый стол мог бы вместить тридцать человек с одной стороны и столько же с другой. Слуги уже приставили к столам стулья с высокой спинкой, богато украшенные резьбой, и широкие лавочки. Под потолком кто-то успел развесить знамена всех трех государств, так что казалось, будто бы крылатый змей и лис пытаются убежать от морской волны. Троны короля и королевы украшали изысканные полотна ткани с вышивкой. Мастерицы-швей нарисовали нитями Виглафа Мудрого на коне, который ведет свои войска к победе, и его супругу, королеву Идению, благословляющую детей. Рядом с их тронами поставили еще два: для королей соседних стран. Или же уже правильное говорить, властителей западных и восточных земель Аннуна?

А какой пир ждал гостей на столах! Свинина, курица, кое-какая мелкая дичь, даже мясо дикого кабана и свежая телятина. Жирная озерная рыба, зажаренная на углях, ячневая каша, блюда с яблоками и виноградом. Кувшины с вином, пивом и свежей родниковой водой. Рядом лежал горячий хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.